

КОТ-ДЕТЕКТИВ ДЫМОК

ГРЕЙ БЛИС.

ТОМ 2

Грей Блис

Кот-детектив Дымок. Том 2.

<https://litres.ru/74254797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Убийца пойман, посажен в тюрьму, и... Сбежал. Вот скотина. Так ещё и умудрился подкинуть мне чучело с угрозой. Я его, конечно, потом лично раздеру и всё такое, но сейчас у меня есть проблемы посущественней...

В моей жизни начинает фигурировать некий "Высший", что больно сильно заинтересовался моим умом. Ещё дал приказ выловить, но это так, по мелочам.

Что я сделаю? Ничего. Ну, почти ничего. Всего лишь убью его сообщника.

Это только начало...

Содержание

Глава 1. Новости.	4
Глава 2. Чучело.	22
Глава 3. "Высший хочет видеть".	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кот-детектив Дымок. Том 2.

Глава 1. Новости.

Утро начиналось, как самое обычное. Рив стояла у плиты, и от сковороды поднимался пар, пахнувший жареным луком и чем-то тёплым, домашним. Она тихонько напевала себе под нос, будто хотела, чтобы этот звук держал дом на месте, не давал ему рассыпаться на острые углы и тёмные коридоры.

— Ещё пять минут, — сказала она, не оборачиваясь. — И завтрак готов.

Я, Дымок, крутился рядом. Не потому что был голоден — хотя кусочек омлета я бы не отверг, — а потому что тут было тепло, и Рив улыбалась, и казалось, что весь мир состоит из этого запаха и её голоса.

На диване Дин перебирал какие-то старые карты, Лу что-то черкала в блокноте, а Лай пыталась заставить Яра улыбнуться, кидая ему крошки то с одной стороны, то с другой.

— Да хватит, — бурчал Яр, но уголки губ у него всё равно подрагивали.

А я... я прыгнул на подлокотник кресла, зацепил лапой пульт — и тот с глухим стуком упал на пол. А потом, будто сам по себе, щёлкнул кнопкой.

Телевизор вспыхнул. Не мультики. Не какой-нибудь спокойный утренний канал с цветами и советами по садоводству. А новости.

«...по данным полиции, из-под стражи сбежал особо опасный преступник, известный по серии загадочных преступлений в нашем регионе. Приметы: высокий, худощавый, передвигается скрытно. Правоохранительные органы просят граждан сохранять спокойствие и не пытаться задерживать его самостоятельно...»

Картинка сменилась: на экране мелькнули кадры с камер наблюдения — тёмный силуэт, который скользнул между зданий, как тень, слишком ровная для настоящей тени.

В комнате стало тихо. Даже часы будто перестали тикать. Рив медленно опустила лопатку.

— Опять, — прошептала она. — Опять он.

Дин резко сложил карты.

— Мы не можем просто сидеть и ждать, пока он снова появится. Надо проверить места, где он мог бы прятаться. Фабрику. Там полно углов, где можно затаиться.

Лу сжала блокнот.

— Но это же безумие. Он убийца.

— А мы — те, кто знает, как он думает, — твёрдо сказал Дин. — И у нас есть Дымок. Он чует то, что мы не видим.

И все посмотрели на меня.

Я не чувствовал себя героем. Я чувствовал себя котом, который хотел оmlет. Но я знал: если они пойдут, я пойду

с ними. Потому что нельзя оставлять их одних там, где прячется такая тьма.

Мы собрались быстро. Без лишних слов. Только шёпот, скрип дверей и тяжёлые шаги, которые старались звучать тише, чем им хотелось.

Фабрика встретила нас тишиной, которая была громче крика. Старые цеха стояли, как пустые рты, и каждый проём смотрел на нас чёрными провалами. Ветер гулял между ржавых балок, гнал по полу обрывки бумаги и пыль, от которой першило в горле.

Я шёл впереди. Принюхивался к каждому углу, к каждой трещине в бетоне. Пахло железом, сыростью и страхом — старым, въевшимся в стены.

Подвал был внизу, за железной дверью, которая держалась на одной петле. Дин осторожно потянул её на себя. Дверь застонала, будто не хотела пускать нас внутрь.

Спуститься по лестнице было страшно. Каждая ступенька могла предательски скрипнуть, каждый угол мог прятать что-то, чего лучше не видеть.

Но внизу оказалось не так жутко, как я боялся. Просто старый склад: ящики, коробки, мешки с чем-то непонятным. И пыль. Много пыли.

Я обошёл комнату, прижимаясь к полу, втягивая воздух носом. И вдруг остановился.

В углу, у стены, была ниша. Маленькая, почти незаметная, прикрытая куском фанеры. Кто-то явно не хотел, чтобы её

нашли.

Я подцепил фанеру когтями, потянул. Она с тихим скрипом отъехала в сторону.

Внутри лежала стопка листов. Пожелтевших, потрёпанных, будто их много раз доставали и прятали снова.

Один листок лежал сверху. Я не мог читать, как люди. Но буквы смотрели на меня, как глаза, которые знали слишком много.

Рив присела рядом, осторожно взяла листок. Её пальцы чуть дрожали.

— «15.05. Я снова видел серого кота. С каждым его появлением мои записи пропадают, а один раз я за ним проследил и увидел, как он читает. Я уверен, что он читал! Затем он — он! Кот! — спрятал этот листок в нишу под половицей, где были другие мои записи», — тихо прочитала она.

Все посмотрели на меня. Не с подозрением. Не со страхом. А так, будто пытались понять: правда ли это? Видели ли они то же самое, что и этот человек?

А снизу, под первым листком, был ещё один. Более тонкий, будто вырванный из другого дневника.

Рив перевернула его.

— «Кот, я уверен, что ты это читаешь. База сменилась. Прощай, но не навсегда. Кое-кто из высшего света хочет тебя видеть».

Я сел. Посмотрел на листок. Потом на ребят.

Он писал это для меня. Или думал, что пишет для меня.

Как будто знал, что однажды я приду сюда и найду эти слова.

— Он знал про тебя, — тихо сказал Дин. — Или думал, что знает.

Лу прижала блокнот к груди.

— Что это значит? «Кое-кто из высшего света»?

Яр нахмурился.

— Это не про ангелов. Это про кого-то, кто стоит выше закона. Кто может приказывать даже таким, как он.

Рив аккуратно сложила листки, спрятала их в карман.

— Нам надо уходить, — сказала она. — Пока он не вернулся. Пока мы не стали следующей записью в его дневнике.

Мы поднялись по лестнице, стараясь не шуметь. Каждый шаг был осторожным. Каждый вдох — коротким.

Когда мы вышли на улицу, солнце уже стояло выше, и тени стали короче. Но они не стали светлее.

Я остановился на пороге, обернулся на фабрику. На тёмный провал подвала, где остались эти листки. И на секунду мне показалось, что в глубине, в самой темноте, кто-то стоит и смотрит на нас.

Он не двигался. Просто стоял. И ждал.

Я мяукнул. Тихо. Чтобы ребята обернулись. Чтобы поняли: мы не одни.

Они обернулись. Увидели.

И побежали.

Я влетел в квартиру так, будто за мной гналась сама темнота. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыха-

ние, а лапы скользили по полу, потому что бежать хотелось быстрее, чем они могли.

Мы все были на взводе, но тут я резко свернул к старому скрипучему полу у кладовки — туда, где одна половица чуть приподнималась, если поддеть её когтем. Там, в узкой щели между досками, я раньше прятал самые важные вещи: обрывок карты, которую Дин чертил карандашом, записку Лу с пометкой «не забудь про воду», и ещё один листок — тот самый, с пометками убийцы, который мы нашли на фабрике. Я хотел перепрятать его, убрать подальше, чтобы никто не нашёл. Чтобы это зло не прилипло к нашему дому.

Я царапнул дерево, поддел край, потянул.

И замер.

Внутри было пусто. Почти. Только один листок. Не тот, что я искал.

Это была фотография. Старая, чуть пожелтевшая по краям, будто её долго носили в кармане. На ней было озеро. Спокойное, тёмное, с гладкой, как стекло, водой. По берегу тянулась узкая тропинка, а вдалеке, на фоне леса, темнел силуэт какого-то здания — то ли заброшенной сторожки, то ли маленького павильона.

На обороте кто-то вывел тонким, ровным почерком: *«Приходи сюда, если не хочешь проблем. Без друзей и полиции».*

Я смотрел на эти слова, и холод полз по спине, цепляясь за каждую шерстинку. Это не было просьбой. Не было при-

глашением. Это была угроза, спрятанная под видом совета. Как будто мне говорили: «Ты знаешь, что будет, если ты позовёшь кого-то. Ты знаешь, что случится, если попытаешься быть умным».

А ещё там было кое-что страшнее слов. Там был намёк на выбор, которого на самом деле не было. Если я приду один — меня поймают. Если не приду — они сделают что-то другое. Что-то, что ударит по тем, кто мне дорог.

Я не пошёл. Ни в тот день, ни на следующий. Я спрятал фотографию под половицу, будто она могла исчезнуть, если её не видеть, и старался вести себя как обычно. Мяукал, тёрся о ноги Рив, делал вид, что всё в порядке, что я просто кот, которому хочется кусочка колбасы и тёплого пледа.

Но я не мог перестать смотреть на дверь. На окна. На каждый шорох за стеной. Мне казалось, что тишина стала слишком плотной, будто кто-то накачал её страхом, как воздух накачивают в шарик, пока он не лопнет.

Три дня.

Три долгих дня, когда солнце вставало и садилось, когда мы ели, разговаривали, пытались улыбаться. Три дня, когда я каждую секунду ждал, что вот сейчас раздастся тот самый скрип, или тень скользнёт по стене, или голос из темноты скажет: «Ты не пришёл. Значит, мы пришли сами».

На четвёртый день Рив пропала.

Это случилось не ночью. Не под раскат грома. А днём. В самый обычный день.

Она сказала: «Я только до магазина, пять минут, куплю хлеба». Надела куртку, улыбнулась, потрепала меня по голове: «Сиди тут, герой. Я быстро».

И ушла.

Пять минут превратились в десять. Десять — в полчаса. Потом в час.

Дин ходил от окна к двери, сжимал и разжимал кулаки. Лу сидела на полу, прижав колени к груди, и смотрела на телефон, будто он мог зазвонить и всё исправить. Лай пыталась шутить, но смех у неё выходил ломким, как сухая ветка.

А Яр стоял у окна и молчал. Так тихо, что от этого молчания становилось страшнее, чем от крика.

— Надо идти искать, — наконец сказал Дин. Голос у него был твёрдым, но в глазах плескалась паника. — По её маршруту. Может, она просто задержалась...

— Или её задержали, — тихо закончил Яр.

Я вскочил на подоконник, прижался носом к стеклу, втягивая воздух. Пахло улицей, пылью, дождём, который собирался где-то на горизонте. Но запах Рив был тут. Тонкий, родной, с примесью её шампуня и старой куртки. Он тянулся от подъезда вниз по улице, к перекрёстку, а потом... обрывался.

Как будто она шагнула в пустоту.

Лу подняла с пола что-то маленькое. Ключик. От нашей квартиры. Рив всегда носила его на шнурке, а теперь он лежал на полу, блестящий, одинокий.

— Она не вернулась бы без него, — прошептала Лу. — Она бы не бросила.

Я спрыгнул, подбежал к половице, царапнул её, вытащил ту самую фотографию. Развернул. Посмотрел на озеро. На надпись.

«Приходи сюда, если не хочешь проблем».

Проблемы уже пришли. Они забрали Рив.

Я поднял глаза на ребят. Они смотрели на меня, будто ждали, что я скажу что-то важное. Будто думали, что я знаю, где она.

Может, я и знал. Может, эта фотография и была ответом.

— Дымок, — тихо позвал Дин. — Что там?

Я положил фотографию на пол. Лапой подтолкнул её к ним.

Они наклонились. Прочитали.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как тикают часы. И как стучит моё сердце.

— Это ловушка, — сказал Яр. — Он хочет, чтобы мы пришли.

— Но он хочет, чтобы пришёл Дымок, — возразила Лу. — Смотри, тут не сказано «вы». Тут сказано «ты».

Лай сжала кулаки.

— Значит, мы не пойдём. Мы найдём другой способ.

Дин медленно поднял фотографию, посмотрел на озеро, потом на меня.

— Если это то, что связывает всё воедино... если это

ключ... мы должны понять, куда ведёт эта тропинка.

Я мяукнул. Не громко. Но твёрдо.

Я пойду. Не потому что хочу. А потому что Рив там. И если я не пойду, никто не сможет её найти.

Я посмотрел на Дина. На Лу. На Лай. На Яра.

Рив пропала ровно потому, что кто-то очень хотел, чтобы я пришёл туда один.

— Дымок... — тихо позвал Дин. — Не надо. Мы что-то придумаем. Пойдём в полицию, расскажем...

Я мотнул головой. Мяукнул коротко, резко — так, чтобы они поняли: нет. Никакой полиции. Никаких толп людей в форме, которые будут топтать сапогами и спугнут то, что прячется в тишине. Если Рив ещё жива, её держат там, где не любят свет и громкие голоса. Её держат там, куда зовут меня.

Лу всхлипнула, но тут же прикусила губу, будто стыдясь, что показала слабость.

— Ты не можешь, — прошептала она. — Ты же просто кот...

Я посмотрел на неё. Прямо в глаза. Пусть видит: сейчас я не просто кот. Сейчас я — единственный, кто может пройти по следу, который никто другой не почувствует.

Яр медленно поднялся. Подошёл ко мне, присел на корточки, протянул руку, но не коснулся. Будто боялся, что если погладит, я передумаю.

— Если ты пойдёшь туда, — тихо сказал он, — они будут ждать. Они хотят, чтобы ты пришёл.

Я кивнул. Так, как умеют кивать коты — чуть наклонив голову. Да. Они ждут. Значит, я приду. Но не как жертва. Как тот, кто знает, что его ждут.

Дин встал, шагнул вперёд, будто хотел схватить меня, спрятать за пазуху, запереть в шкафу, где безопасно. Но остановился. Понял: не удержит.

— Тогда мы пойдём с тобой, — твёрдо сказал он. — До самой опушки. Мы будем рядом.

Я снова мотнул головой. На этот раз — жёстко. Нет. Если они пойдут, их заметят. Если их заметят, Рив пострадает первой. Тот, кто оставил записку, знал, как играть на наших страхах. Он знал, что ребята не дадут мне пойти одному. И именно поэтому в записке было: «Без друзей».

Я положил листок на пол, лапой подтолкнул его к Яру. Пусть держат. Пусть знают, куда я пошёл. Но пусть не идут.

Потом я повернулся и пошёл к двери. Тихо, мягко, чтобы когти не цокали по полу. Я не хотел, чтобы они запомнили мой уход как что-то громкое. Пусть запомнят, как я остановился у порога, обернулся и посмотрел на них всех — на Дина, Лу, Лай, Яра. На наш дом, где ещё пахло Рив.

«Я вернусь, — говорил мой взгляд. — И я приведу её».

И я вышел. Дверь тихо щёлкнула за мной, отрезав меня от их тишины и их страха. Теперь был только я, город и след, который я должен был найти.

Улица встретила меня ветром. Он нёс с собой запах дождя, железа и чего-то горького — того самого, что я чувал

раньше, рядом с фабрикой. Я принял, опустил нос к асфальту, к трещинам, в которых оседала пыль и чужие шаги. И пошёл. Не бегом. Не сломя голову. Шаг за шагом, как тот, кто знает: если поспешишь, потеряешь след.

Тропа вела меня прочь от освещённых улиц, туда, где фонари горели через один, а тени становились длиннее и плотнее. Я петлял между гаражами, скользил вдоль заборов, прятался в подворотнях, когда слышал чужие голоса. Город казался живым — и недобрым. Он будто знал, куда я иду, и пытался меня задержать.

Когда я наконец вышел к опушке леса, солнце уже садилось. Небо стало тёмно-синим, как чернила, и в этом цвете тонули все краски. Впереди, за деревьями, лежало озеро. Его вода была чёрной, неподвижной, словно зеркало, в котором никто не хотел отражаться.

Я остановился на краю поляны. Прислушался. Ветер шептал что-то в листве, но это был не человеческий шёпот. Это был голос леса, который не обещал помощи.

И тут я его почувствовал. Запах. Тот самый, холодный, с примесью металла. Он тянулся от берега к маленькой сторожке у воды. И рядом с ним, едва уловимо, но так, что у меня шерсть встала дыбом, был другой запах. Родной. Тёплый. С ноткой корицы.

Рив.

Она была там.

Я сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Лес принял меня

в свою темноту, и я перестал быть просто котом, который ищет подругу. Я стал тенью, которая шла по следу, чтобы вернуть свет.

Я ступил на причал. Доски под лапами были шершавыми, пропитанными водой и временем, и они тихо скрипнули — совсем чуть-чуть, но в этой тишине звук прозвучал как крик.

Я замер. Втянул воздух. Запах металла стал гуще, будто сам воздух здесь был ржавым. А запах корицы — тёплый, родной — тянулся из сторожки, как ниточка, за которую хотелось уцепиться зубами и тянуть, пока Рив не окажется рядом.

Дверь сторожки была приоткрыта. Не настежь, не в приглашающем жесте, а так, будто её толкнули и не стали закрывать — потому что знали: тот, кто должен войти, всё равно войдёт.

Я скользнул внутрь. В нос ударила сырость, старое дерево и ещё что-то едкое, как будто тут недавно жгли бумагу. В комнате было темно, только сквозь щели в досках пробивались тонкие полосы заката, ложились на пол, как лезвия.

И в полумраке я её увидел.

Рив сидела у стены, прислонившись к ней, будто пыталась взять у дерева хоть немного твёрдости. Руки у неё были связаны за спиной, рот заклеен полоской тёмной ткани, но глаза... её глаза были живыми. И когда я вошёл, они вспыхнули. Не от страха — от облегчения.

Она увидела меня. И поняла: я пришёл. Один. Как велели.

Я тихо мяукнул. Совсем шёпотом, чтобы не спугнуть тишину, которая тут была важнее любого крика. Рив чуть наклонила голову, будто хотела сказать: «Не подходи ближе. Здесь опасно».

Но я должен был подойти.

Я крался по полу, обходя каждую скрипучую доску, которую чуял по запаху и вибрации. Когда я оказался рядом, Рив опустила взгляд на свои связанные руки, потом снова на меня — и моргнула. Два раза. Медленно. Как будто говорила: «Посмотри сюда».

Я посмотрел. У её ног, почти спрятанный в тени, лежал маленький острый обломок дерева — кто-то сколол щепку от доски, и она осталась лежать, забытая. Или оставленная специально.

Я принялся к ней. На ней не было запаха Рив. Зато был запах того самого человека — холодный, чужой. Значит, это не случайность. Значит, он хотел, чтобы её кто-то нашёл. Или хотел, чтобы она сама попыталась освободиться.

Я подцепил щепку зубами. Она была острой, царапала нёбо, но я не выпускал её. Потом подполз к Рив, сел рядом, повернувшись боком, и начал осторожно тереть щепкой о верёвку на её запястьях.

Раз. Ещё раз. Верёвка была толстой, грубой, пропитанной чем-то, от чего она не скользила. Но на ней уже появилась первая светлая бороздка.

Рив смотрела на меня, и в её глазах стояли слёзы, но она

не плакала. Она держалась. Как всегда.

Ещё несколько движений. Щепка царапала верёвку, верёвка царапала мне язык, но я продолжал.

Вдруг снаружи хрустнула ветка.

Не ветер. Не зверь. Человек.

Я замер. Верёвка ещё не поддавалась. Рив напряглась, её плечи дрогнули, но она не издала ни звука.

Шаги приблизились к двери. Медленные. Спокойные. Как у того, кто знает, что добыча уже в ловушке.

Ручка скрипнула. Дверь медленно распахнулась.

На пороге стоял он. Тот самый, из новостей. Высокий, худой, в тёмной куртке, с лицом, будто вырезанным из тени. Он посмотрел на Рив. Потом на меня. И уголки его губ чуть дрогнули — не в улыбке, а в чём-то, что было страшнее улыбки.

— Умный кот, — тихо сказал он. — Даже слишком. Думал, ты придёшь, сядешь и будешь ждать. А ты решил играть по-своему.

Он сделал шаг внутрь. Ещё один.

Я не отступил. Не прижался к полу. Я встал перед Рив. Не заслоняя её целиком — я был слишком маленьким для этого, — но так, чтобы он видел: если он сделает ещё шаг, ему придётся пройти через меня.

Он остановился. Наклонил голову, будто рассматривал меня, как что-то странное, что не вписывалось в его планы.

— Знаешь, — произнёс он, — я ведь не из-за тебя всё это

затеял. Ты просто оказался там, где не должен был быть. Ты видел то, что нельзя было видеть. Читал то, что не должен был читать.

Я не мяукнул. Не зашипел. Просто смотрел на него. Пусть видит: я не боюсь.

Он вздохнул. Будто устал объяснять очевидное.

— Но теперь ты здесь. И ты сделал ровно то, что я хотел. Привёл себя. Привёл её. И теперь...

Он не успел договорить.

Где-то далеко, за лесом, прокатился глухой раскат грома. Не ранний, не случайный — тяжёлый, как предупреждение.

Небо за окном потемнело ещё сильнее. Тени в комнате сдвинулись, будто им стало тесно.

Человек в куртке на секунду отвлёкся — бросил взгляд в окно, туда, где небо наливалось свинцом.

Этого мгновения мне хватило.

Я рванулся вперёд, не на него — вбок, к его ноге, и вцепился когтями в штанину. Не чтобы ранить. Чтобы задержать. Чтобы он дёрнулся, потерял равновесие, хоть на секунду забыл про план.

Он выругался, отшатнулся, замахал руками, пытаюсь стряхнуть меня.

А Рив в это время рванула руками вперёд, используя инерцию, и верёвка, надрезанная щепкой, лопнула. Она сорвала с рта полоску ткани, схватила обломок доски, который остался у моих лап, и резко поднялась.

— Беги! — крикнула она мне. Не громко — шёпотом, но так, что этот шёпот ударил по ушам сильнее крика.

Я не стал спорить. Не стал оглядываться. Я метнулся к двери, проскочил мимо человека, который всё ещё пытался удержать равновесие, и вылетел наружу.

За мной следом, почти по пятам, выскочила Рив. Её шаги были тяжёлыми, неуверенными после долгого сидения, но она бежала. Бежала, потому что знала: если остановится хоть на секунду, тени снова её поймают.

Мы неслись по тропинке, мимо деревьев, чьи ветви тянулись к нам, как руки. Дождь наконец сорвался с неба — крупные капли били по листьям, по земле, по нашим спинам, смывая запахи, путая следы.

Человек кричал что-то позади, но его голос тонул в шуме ливня.

Мы выскочили на опушку, где тропинка раздваивалась. Одна вела обратно к городу, другая — вглубь леса, туда, где никто не ходил.

Рив остановилась на секунду, тяжело дыша, посмотрела на меня.

— Куда? — прошептала она. — Куда дальше?

Я не думал. Я просто понюхал воздух. Дождь смывал все запахи, но один всё ещё держался — запах нашего дома. Тёплый, знакомый, как обещание, что не всё потеряно.

Я мотнул головой в сторону города.

Рив кивнула. Поняла.

И мы побежали снова. Сквозь ливень, сквозь темноту, сквозь страх, который пытался ухватить нас за лапы и повалить на землю.

Дождь хлестал по глазам, но я видел дорогу. Потому что это была наша дорога. Наша тропа. И пока мы бежали по ней, нас нельзя было поймать.

Глава 2. Чучело.

Мы жили не в квартире, а в частном доме — старом, но крепком, с широкой верандой и скрипучими половицами, которые Рив всегда ворчала чинить, а потом сама же улыбалась, когда они пели под шагами. У дома был свой запах: дерево, лак, тёплый пирог, кошачья мята в горшке на подоконнике. И теперь, когда Рив была дома, сидела на кухне, пила горячий чай и потихоньку приходила в себя, этот запах снова стал правильным. Почти.

Почти — потому что поверх него всё ещё висел чужой запах. Холодный. Металлический. Тот самый, от которого шерсть на загривке встаёт дыбом сама по себе.

Я сидел у порога, уткнувшись носом в щель, и втягивал воздух. Ребята думали, что я просто успокаиваюсь, что мне нужно посидеть и понять: всё кончилось. Но я знал — не кончилось. Тот, кто держал Рив у озера, не из тех, кто сдаётся после одной неудачи. Он где-то там. И он оставил след.

— Дымок, — тихо позвала Рив с кухни. Голос у неё был хриплый, будто она слишком долго молчала, но живой. — Иди сюда. Тут пирог. С яблоками.

Я мяукнул. Не «сейчас», а «скоро». Потом. Сначала я должен был убедиться, что он не идёт за нами. Что его запах не тянется по дороге к нашему крыльцу.

Я выскользнул за дверь, мягко, чтобы никто не окликнул.

Веранда скрипнула под лапами, но я знал эту скрипучую доску и обошёл её стороной. Спрыгнул на траву, принялся.

Пахло вечером: сырой землёй, остывающим асфальтом, кошкой, которая пробежала тут час назад. Но под этим всем, едва уловимо, как тонкая нитка в плотной ткани, тянулся он. Тот самый запах. Не просто чужой. А его. Убийцы.

Он уходил прочь от дома. Не к нам — от нас. Будто проверял, не побежим ли мы за ним. Будто хотел, чтобы я пошёл по следу.

И я пошёл.

Не бегом. Не сломя голову. Если побежишь — потеряешь след. Запах держится на земле, на камнях, на старых досках. Он оседает в трещинах, прячется в тени. Его нужно собирать по крупицам.

Тропа вела меня через наш тихий район, где дома стояли далеко друг от друга, а между ними тянулись сады, огороды и узкие тропинки, протоптанные теми, кто не хотел, чтобы их видели. Я шёл вдоль заборов, нюхал углы, где тень лежала плотнее. На одном столбе я нашёл едва заметную царапину — не случайную. Слишком ровная. Как метка.

Дальше след стал чётче. Он сворачивал к старой лесополосе, где деревья росли так густо, что даже днём там было темно. Я пробирался между стволов, прижимаясь к земле, чтобы не шуметь. Пахло мхом, прелыми листьями и... им. Запах становился сильнее.

В глубине лесополосы, почти скрытый кустами, стоял ста-

рый сарай. Не жилой, не хозяйский. Просто коробка из потемневших досок с покосившейся дверью. И у порога, на влажной земле, отчётливо виднелись отпечатки тяжёлых ботинок. Свежие. Не старые.

Я замер. Прислушался. Внутри было тихо. Но тишина была не пустой. Она была напряжённой, как натянутая струна.

Я обошёл сарай по кругу, стараясь держаться в тени. У задней стены была щель между досками. Я прижался к земле, заглянул внутрь.

Там было темно. Пахло пылью, старыми тряпками и... чучелом. Тем самым запахом, который бывает у чего-то мёртвого, но выставленного напоказ.

Я пролез в щель, осторожно, чтобы не зацепиться. Внутри пахло ещё сильнее. В углу, на старом ящике, сидело оно. Серое чучело кота. Почти как я. С такими же ушами, с такой же формой головы. Но мёртвое. Пустые глаза смотрели в темноту, будто видели что-то, чего не видел я.

Рядом лежала записка. Та самая. Простая, без конверта, как насмешка.

«Решил набросать чучело, которое из тебя сделаю. Смотри, каким красавцем будешь».

Я не дрожал. Не отводил взгляд. Я смотрел прямо в пустые глаза чучела и понимал: это не просто угроза. Это обещание. Он не хотел просто напугать. Он хотел показать, что знает, где я живу. Знает, кто я. Знает, что я пойду по его следу.

И он хотел, чтобы я это увидел.

Я медленно обошёл чучело, не сводя с него глаз. Пахло им. Его запах был тут повсюду. Он был здесь недавно. Со всем недавно.

На полу, под ящиком, я заметил смятый клочок бумаги. Я подцепил его когтем, вытащил. Это был обрывок какого-то плана — линии, стрелки, пометки. И в углу, едва разборчиво, была выведена дата и короткая фраза: *«База: старый элеватор. Смена точки — после провала у озера»*.

Значит, озеро было лишь ловушкой. Временным местом. А настоящая его база — старый элеватор на окраине. Туда он возвращался. Туда, где было безопасно, где его ждали.

Я сжал клочок бумаги зубами. Осторожно, чтобы не порвать. Теперь у меня была не просто злость. У меня была цель.

Я вышел из сарая тем же путём, каким пришёл. Обошёл его кругом, проверяя, нет ли ещё следов. На земле, у самой двери, я увидел ещё одну вещь. Маленький металлический предмет. Брелок. Или жетон. На нём была выбита цифра и какой-то символ — незнакомый, но аккуратный, будто заводской.

Я взял и его. Пусть ребята посмотрят. Пусть поймут: это не случайность. Это система.

Когда я вернулся к дому, солнце уже садилось. Тени стали длинными, а воздух — холодным. На веранде сидел Дин. Он не кричал, не звал меня. Просто сидел и ждал. Когда я

показался из темноты, он тихо выдохнул.

— Ты опять ходил туда, — не спросил, а констатировал он.

Я подошёл, положил у его ног клочок бумаги и жетон. Потом сел рядом и посмотрел на дом. На свет в окне, где Рив пила чай и пыталась забыть тот холод у озера.

Дин наклонился, поднял вещи, рассмотрел. Его лицо стало жёстким.

— Элеватор, — тихо прочитал он. — Старый. Там никто не бывает. Идеальное место.

Я мяукнул. Один раз. Тихо.

«Да. Туда».

Дин посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул.

— Мы не пойдём туда сейчас, — сказал он. — Не ночью. Не без плана. Но мы пойдём.

Я не спорил. Сейчас главное было не спешить. Главное было знать: я нашёл его след. Я нашёл его базу. И теперь он уже не мог притворяться, что его нет.

Я поднялся на веранду, прошёл мимо Дина, толкнул дверь носом и вошёл в дом. К теплу. К запаху пирога. К Рив, которая была жива.

Ночь легла на город толстым, глухим покрывалом. Даже собаки перестали лаять, будто и они почувствовали: сегодня лучше сидеть тихо. В нашем доме свет погас рано. Рив наконец уснула — её плечи перестали вздрагивать, дыхание стало ровным. Дин ещё долго сидел на веранде, смотрел в тем-

ноту, будто хотел разглядеть меня раньше, чем я исчезну. Но я не стал ждать, пока он уйдёт. Я просто скользнул в щель между дверью и косяком — тихо, как тень от ветки.

Я не собирался никого подводить. Просто знал: если ребята пойдут со мной, убийца это почувствует. Он ждёт, что мы придём толпой, чтобы ударить по всем сразу. А я пойду один. Как тот, кого не считают опасным. Как кот, который просто бегаёт по крышам.

Тропа к элеватору была длинной. Я не бежал — шёл размеренно, то по траве, чтобы не цокать когтями по асфальту, то по бордюрам, где запах города тонул в пыли. Каждый раз, когда вдалеке вспыхивал свет фар, я нырял в тень, за мусорный бак, под крыльцо чужого дома. Я учился быть невидимым.

Старый элеватор стоял на окраине, как чёрная башня, выросшая из земли вопреки всему. Его стены были из потемневшего бетона, окна — как пустые глазницы. Вокруг тянулась ржавая ограда, местами поваленная, местами намертво приваренная. Я обошёл её по кругу, держась в высокой траве, чтобы запах земли перебивал мой собственный.

У северной стены, там, где лестница висела над землёй, будто забытая, я замер. Лестница была старой, шаткой, но по её ступеням кто-то ходил недавно. На ржавом металле остались крошечные крупинки земли — не сухие, а влажные, как после дождя. И поверх этого запаха лежал его след. Тот самый, холодный, с примесью железа и чего-то едкого, будто

он носил перчатки, пропитанные химикатами.

Я поднялся по лестнице, цепляясь когтями за выступы. Металл стонал под лапами, но я двигался медленно, давая ему привыкнуть к моему весу, чтобы не выдать себя резким скрипом. На площадке второго яруса была дверь — не главная, не для людей, а для тех, кто не хочет, чтобы их видели. Она была приоткрыта ровно настолько, чтобы пролез кот. Или чтобы выпустить тишину наружу.

Я прижался к стене, втянул воздух. Внутри пахло пылью, зерновой трухой и... страхом. Не моим. Чужим. Как будто здесь кто-то долго сидел в темноте, слушая, как капает вода.

И тут из темноты донёсся голос. Тихий. Спокойный. Без крика. Как будто тот, кто его произнёс, знал, что я всё равно услышу.

— Я знал, что ты придёшь... — прошептал он. — Ты ведь не можешь остановиться, правда? Не можешь пройти мимо, когда кто-то в беде. Даже если это ловушка. Даже если она уже захлопнулась.

Я не шевельнулся. Не бросился вперёд, не зашипел. Я просто сел, выпрямив спину, и посмотрел в темноту. Пусть видит: я не трясусь. Пусть слышит: моё сердце бьётся ровно.

— Ты думаешь, это игра? — снова прозвучало из тени. — Думаешь, ты охотник, а я — добыча? Ты идёшь по моим следам, подбираешься всё ближе... а на самом деле это я веду тебя. Шаг за шагом. От озера к сараю, от сарая сюда. Ты делаешь ровно то, что мне нужно.

Из темноты выступила фигура. Не резко, не прыжком — она будто выросла из самой тьмы. Высокий, худой, в тёмной куртке, с лицом, которое казалось вырезанным из ночи. Он не держал оружия. Ему и не нужно было. Его главным оружием была уверенность, что он уже победил.

— Знаешь, что самое смешное? — он чуть наклонил голову, как будто рассматривал меня, как диковинную игрушку. — Ты думаешь, ты спасаешь. А на самом деле ты открываешь двери. Двери, которые лучше было бы держать закрытыми.

Я не ответил. Не мяукнул. Просто смотрел. Пусть говорит. Пока он говорит, он не двигается. Пока он не двигается, у меня есть время. Время заметить, как за его плечом в глубине коридора мелькает слабый свет. Как где-то капает вода, отбивая ритм, похожий на шаги. Как в воздухе висит запах не только страха, но и чего-то ещё — чего-то, что я уже чувствовал раньше. На фабрике. В подвале. Там, где прятали дневники.

— Но раз уж ты пришёл, — убийца чуть улыбнулся, и от этой улыбки холод пробрался даже под шерсть, — давай сыграем по-честному. Один вопрос. Ты можешь спросить меня о чём угодно. О Рив. О чучеле. О том, зачем я всё это делаю. И я отвечу. Честно. Почти.

Он сделал шаг вперёд. Ещё один. Теперь между нами было не больше двух метров. Достаточно, чтобы он мог схватить меня одним движением. Достаточно, чтобы я мог прыгнуть

ему в лицо, вцепиться когтями, выиграть секунду.

Но я не прыгнул.

Вместо этого я медленно повернул голову туда, где в глубине элеватора мелькнул свет. И тихо, почти беззвучно, мякнул. Не ему. Туда. В темноту.

Потому что теперь я понял: он отвлекает меня разговором. Пока он стоит здесь, смотрит на меня, тянет время, где-то там, в глубине, происходит что-то другое. Что-то, ради чего он и устроил эту встречу.

Убийца проследил за моим взглядом. Его улыбка дрогнула. Всего на мгновение. Но этого хватило.

— Ах вот оно что, — тихо сказал он. — Ты не такой глупый, каким кажешься.

Он резко развернулся, шагнул в сторону, туда, где был свет. И в эту секунду я рванулся не вперёд, а вбок — вдоль стены, по узкому проходу между ящиками, туда, куда он не смотрел.

Тени приняли меня, спрятали. Я скользил по полу, не поднимая лап высоко, чтобы не задеть ничего лишнего. Где-то впереди, за поворотом, свет стал ярче. И вместе с ним донёсся другой звук. Не капающая вода. Не скрип металла.

А чей-то тихий, прерывистый вздох.

Кто-то был там. Кто-то, кого он прятал. Не Рив — её я уже спас. Кого-то другого. Того, кто знал слишком много.

Я замер у поворота, приняхался. Пахло не только пылью и страхом. Пахло надеждой. И этим запахом я пойду даль-

ше. Один. Без ребят. Без криков. Как тот, кто знает: иногда тишина спасает лучше любого крика.

Глава 3. "Высший хочет видеть".

Я скользнул вдоль стены, прижимаясь к холодному бетону, будто мог слиться с ним, стать просто тенью в пятне темноты. Пахло пылью, старой ржавчиной и страхом — но не моим. Чужим. Тем, что оседает на коже, когда слишком долго ждёшь чего-то плохого.

Свет впереди был тусклым, дрожащим, как пламя свечи, которое вот-вот погаснет. Он лился из приоткрытой двери, оставляя на полу жёлтый прямоугольник, похожий на ловушку. Я остановился у косяка, втянул воздух. Ни запаха Рив — она была дома, в безопасности. Ни запаха ребят — они и не должны были быть здесь. Только он. Убийца. И ещё один запах. Тихий, почти стёртый, будто человек сидел тут так долго, что сам стал частью этой комнаты.

Я заглянул внутрь.

В центре комнаты стоял старый металлический стол. На нём лежали стопки бумаг, перевязанные бечёвкой, папки с пожелтевшими краями, какие-то схемы. А сверху, прямо по центру, лежала одна-единственная страница. Чистая, без лишних слов. Только несколько строк, выведенных чёрными чернилами.

И среди них — моё имя. Не «кот». Не «серый». А именно «Дымок». Будто они знали меня. Будто я был не случайностью, а частью плана.

Рядом с именем была короткая пометка, обведённая красным кружком: *«Слишком много знает. Высший хочет видеть»*.

Я не мяукнул. Даже не дёрнул ухом. Просто смотрел на эти слова, и холод полз по спине, цепляясь за каждую шерстинку. «Высший». Это не про полицию. Не про начальника. Это про того, кто стоял над самым убийцей. Про того, кто дёргал за ниточки. И теперь они хотели меня. Не чтобы убить. А чтобы... увидеть.

За спиной скрипнула половица.

Я резко обернулся. Убийца стоял в проёме, перекрывая путь к отступлению. Он не спешил. Не тянулся ко мне. Просто стоял и смотрел, будто ждал, когда я сам пойму всю безвыходность этой ловушки.

— Дошёл, — тихо сказал он. — Я знал, что ты не сможешь остановиться. Ты ведь везде суёшь свой нос. Нюхаешь углы. Подбираешь крошки чужих тайн.

Он сделал шаг вперёд. Ещё один.

— Думаешь, ты спасаешь друзей? Думаешь, ты герой? А ты просто мешаешь. Ты слишком много видел. Слишком много понял. И теперь... теперь ты стал проблемой не только для меня.

Я прижался к полу, но не от страха. Чтобы быть ниже. Чтобы, если придётся, рвануться вбок, под его руку, к узкому проходу между ящиками.

— «Высший хочет видеть», — повторил он, будто прочи-

тал мои мысли. — Да. Именно так. Ты думал, ты охотишься на меня. А на самом деле ты шёл прямо к ним. По моим следам, по моим подсказкам. Озеро. Сарай. Элеватор. Каждый шаг, который ты сделал, был тем, что они ждали.

Я зашипел. Тихо, низко, чтобы звук шёл не из горла, а из самой груди. Не от страха — от злости. От понимания, что меня вели, как слепого котёнка, по коридору, где в конце стояла клетка.

Убийца чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тишине между ними.

— Знаешь, — сказал он уже тише, почти спокойно, — я даже не хотел тебя трогать. Но ты сам всё усложнил. Ты влез туда, где не должен был быть. Ты нашёл то, что было спрятано. И теперь у меня нет выбора.

Он протянул руку. Не резко. Без крика. Так, будто хотел просто погладить кота, который забрёл не туда.

Я отскочил. Вбок. В темноту. В узкий проход между ящиками, где пахло старым картоном и забытыми вещами. Я метнулся по нему, не оглядываясь, не думая, просто чувствуя, как холодный воздух бьёт в нос, а лапы сами находят дорогу.

Проход вывел меня в другой коридор — длинный, пустой, с низким потолком. В конце его виднелась приоткрытая дверь, за которой чернела ночь. Я рванул к ней, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, перекрывая дыхание.

Выскочив наружу, я замер на секунду, втягивая воздух. Пахло дождём, мокрой травой, свободой. И следом. Моим собственным следом, который вёл обратно к дому. К веранде, где спит Рив. К ребятам, которые не пошли за мной, потому что я не позволил.

Я обернулся на элеватор. Его тёмная громада нависала над окраиной, как застывший крик. В одном окне на втором этаже мелькнул свет — будто кто-то захлопнул дверь, отрезая прошлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.